

УДК 947.084

Н.Н. ГРЕХОВА, канд. ист. наук, доцент НГПУ им. К. Минина, e-mail: n_grehova@mail.ru

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГОДЫ НЭПА

N.N. Grehova

PEASANTRY AND POWER: PRINCIPLES AND PRACTICE OF RELATIONSHIP DURING NEP

В статье рассматриваются основные принципы, характер и особенности взаимоотношений крестьянства и Советов. На основе анализа конкретного исторического материала делается вывод о том, что система местных органов власти не обеспечивала в должной мере представительства интересов деревни и не вызвала доверия к Советам подавляющей части крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство, местные органы власти, новая экономическая политика.

This article discusses the basic principles, nature and characteristics of the relationship of the peasantry and the Soviets. Based on the analysis of concrete historical material, it is concluded that the system of local authorities did not provide an adequate representation of the interests of the village and was not credible to the Soviets overwhelming majority of the peasantry.

Keywords: peasants, local authorities, the New Economic Policy.

Проблема взаимоотношений власти и российского крестьянства в XX веке принадлежит к числу «вечных» в силу своей сложности, многоплановости, злободневности и вызывает повышенный интерес отечественной исторической науки. Такой интерес вполне закономерен с учетом того важного места в жизни страны, которое всегда занимало крестьянство.

Взаимоотношения крестьянства с властью в годы нэпа носили сложный и неоднозначный характер. Они зависели от целого ряда факторов (крестьянское сопротивление, неблагоприятная внутренняя и внешняя обстановка, соотношение сил в партийном руководстве) и сводились к различного рода «соглашениям» (уравнильное землепользование, разрешение аренды земли, найма рабочей силы, юридическое оформление крестьянского двора и земельного общества). Первые годы нэпа характеризовались поворотом большевиков к установлению «правильных» отношений с крестьянством. Это был период, когда, с одной стороны, отношения «крестьянство – власть» представляли собой неустойчивое равновесие. С другой стороны, крестьяне все-таки, по возможности, перекраивали политику большевиков на свой лад в соответствии с собственным менталитетом, своими интересами и местными традициями.

Между тем, при изучении данной проблемы в отечественной историографии длительное время преобладал подход к крестьянству только как к объекту социально-экономических, политических и культурных воздействий, имела место недооценка крестьянства как активного субъекта политических и социальных изменений в обществе. Настоятельная потребность в преодолении одностороннего подхода делает актуальной для современной социальной истории изучение проблемы взаимоотношения крестьянства с властью, особенно, с ее местными органами, поскольку глубокие корни социально-политических процессов, происходивших в российской деревне, могут быть объективно и всесторонне исследованы только при условии обращения к обширному региональному опыту.

Крестьянство в Нижегородской губернии в начале 1920-х гг. составляло большинство населения (82,4%), и сельское хозяйство являлось основой экономики губернии. Поэтому

очень многое зависело от того, как строятся отношения между крестьянством и властью, выполняет ли советская власть свои функции по отношению к основной массе населения губернии, способна ли она решать проблемы крестьянства. Изучение этих вопросов имеет очень важное значение, так как позволяет выявить динамику развития отношений власти и крестьянства на всем протяжении нэпа. Именно от социально-экономической политики в деревне в то время во многом зависело сохранение и укрепление самой советской власти. Анализ взаимоотношений власти и крестьянства на этом временном отрезке, с использованием новых источников, дает возможность понять многие проблемы и противоречия аграрной политики современной России.

В отечественной историографии долгие годы преобладающим было утверждение, что после перехода к нэпу крестьяне резко изменили свое отношение к власти в лучшую сторону, что среди крестьянства авторитет сельских Советов резко возрос. Историки, изучавшие эту проблему, ссылались при этом, в основном, на официальные материалы и документы и, прежде всего, на отчеты самих местных органов власти, материалы периодической печати, к которым относились без достаточной критичности.

Обращение к такой группе источников, как крестьянские письма, материалы социологических обследований деревни, широко проводимых партийными, государственными и общественными организациями в первой половине 1920-х гг., дает возможность пересмотреть это традиционное утверждение и позволяет иначе взглянуть на проблему взаимоотношений крестьянства и Советов. Данные источники создают в целом картину весьма настороженного и недоверчивого отношения деревни и власти к друг другу. При этом крестьяне резко различали центральную власть как «справедливую» и местную – «несправедливую». Анализ 267 крестьянских писем, поступивших из Нижегородской губернии в редакции «Крестьянской газеты» и «Бедноты» только за вторую половину 1925 г., считавшегося одним из самых благополучных за весь период нэпа, показал, что, если 68,6% деревенских корреспондентов, высказавших отношение к советской власти в целом, относились к ней положительно, то 95,8% были недовольны именно действиями местных Советов [ГАРФ. Ф. 393, Оп. 56. Д. 42, 43, 119].

С переходом к нэпу сельские и волостные Советы по-прежнему не имели должной полноты власти и функционировали как сугубо бюрократическая аппаратная структура. Реальными органами власти были не Советы, а их исполнительные комитеты, фактически уже полностью подчиненные РКП(б). Низовые Советы основную свою деятельность направляли, прежде всего, на выполнение директив центра, которые часто не согласовывались с социально-экономическими возможностями и интересами крестьянства. Это приводило к обострению и без того напряженной обстановки в деревне и отсутствию доверия к Советам подавляющей части крестьянства.

Политические настроения крестьянства в концентрированном виде особенно находили свое выражение при выборах в низовые Советы. В исследуемый период избирательные кампании в Советы играли важную роль в общественно-политической жизни деревни. Через них шло формирование низового звена советской власти в деревне. Они являлись основным средством привлечения крестьянства к делам управления, показателем отношения крестьян к экономической политике государства. Главное противоречие состояло в том, что политические установки власти, декларировавшей «вовлечение» масс в управление, в действительности были несовместимы с лозунгами «свободных выборов». Попытки проведения таковых осенью 1924 г. привели к срыву выборов. Явка избирателей в Нижегородской губернии составила всего 19% к общему числу избирателей, проживавших в сельской местности. А в ряде уездов губернии (Ветлужском, Краснобаковском, Лукояновском) голосовало всего 8 – 9% крестьян [ЦАНО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 16. Л. 14].

Абсентеизм крестьянства был связан со многими факторами. Разумеется, сказывался низкий уровень общей политической культуры, одним из проявлений которого было слабое участие в выборах женщин. Сказывались также организационные ошибки и недоработки. Активность сельского населения при выборах в Советы тормозилась, а иногда и всецело

подавлялась принципом неравенства избирательных прав различных социальных слоев деревни, отстраняющим наиболее грамотную и авторитетную часть крестьянства. Так, в 1925 г. в Нижегородской губернии, например, избирательных прав были лишены 1,2% сельского населения, в 1926 – 1,6%, а в 1927 г. – 3,8% крестьянства [ЦАНО. Ф. 56. Оп. 2. Л.4].

Многочисленные крестьянские письма и жалобы, направляемые во ВЦИК и в редакции центральных газет, свидетельствуют о том, что крестьянский абсентеизм был связан также и с нарушением демократических принципов, администрированием, диктатом местных партийных органов при проведении выборов. В своих письмах крестьяне писали о фактах произвола местных органов власти, о нарушениях норм советской демократии, сообщали о том, что председателей сельских Советов зачастую не выбирали, а назначали, как это наблюдалось в целом ряде уездов.

Довольно частым явлением были и факты нажима на избирателей. Так, крестьяне Ардатовской волости жаловались на то, что представители уездного исполкома «чинили препятствие к перевыборам и допустили их на условиях, что останется старый состав» [ГАРФ. Ф. 393, Оп. 56. Д. 43, Л. 18]. Заслуживает также внимания коллективное письмо крестьян Гагинской волости Сергачского уезда в газету «Беднота», в котором приводились сведения о том, что из состава делегатов волостного съезда были выведены 10 членов сельсовета, подвергших на избирательных собраниях критике хозяйственную деятельность волысполкома. «Чтобы отделаться от них и запугать остальных членов волостного съезда, – сообщалось в письме, – волостная избирательная комиссия вынесла постановление об отводе из состава делегатов этих 10 граждан по 23 статье Конституции как опасных для республики» [ГАРФ. Ф. 393, Оп. 56. Д. 43, Л. 46].

Все эти нарушения приводили к отрыву Советов от крестьянских масс, к усвоению крестьянством мысли, что «какое бы горячее участие они не приняли в выборах, все равно коммунисты или комсомол проведут своих». Крестьяне свой отказ идти на выборы зачастую объясняли следующим образом: «Иди не иди, все равно выберут того, кого захочет власть, и сделают так, как захочется власти» [ГАРФ. Ф. 393, Оп. 56. Д. 42. Л. 134].

Характерной особенностью избирательной кампании 1924 г. в Нижегородской губернии являлось то, что при понижении общей явки избирателей на выборы в составе сельских Советов и волостных исполкомов значительно возросло число коммунистов. Так, в 1923 г. в сельских Советах губернии было 992 коммуниста (7,5% к общему числу членов сельсоветов. После выборов 1924 г. в составе сельсоветов оказалось 1132 коммуниста (9%). На волостных съездах Советов в 1923 г. присутствовало 17,3%, 1924 году – 24,9% членов РКП(б) к общему числу членов волостных съездов. В составе волостных исполнительных комитетов в 1923 г. было 46,6%, в 1924 г. – 63,7% коммунистов [ЦАНО. Ф.56. Оп. 2, Д. 13, Л. 213]. С внешней стороны в деревне все обстояло как бы благополучно, процент коммунистов в составе Советов Нижегородской губернии был сравнительно высоким. Однако здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что рост коммунистов произошел при значительном сокращении явки избирателей на выборы. Кроме того, рост численности коммунистов в низовых органах власти в 1924 г., как уже отмечалось выше, происходил в значительной степени за счет навязывания кандидатур крестьянам при выборах.

Данная группа источников дает также полную и довольно объективную информацию о состоянии Советов, их практической деятельности, об отношении крестьянства к местным органам власти. В материалах обследований деревни, в частности, отмечалось, что Советы стоят в стороне от хозяйственной жизни деревни, что вопросами, которыми живет крестьянство и которые являются для них главнейшими, советские работники не занимаются. «Представители местной власти, – писали по решению общего схода крестьяне Семеновского уезда, – не ведут никакой хозяйственной работы. В деятельности волысполкома в подавляющем большинстве преобладают карательные вопросы, а вопросы переустройства сельского хозяйства занимают в их работе чрезвычайно незначительное

место» [ГАРФ. Ф. 393. Оп. 56. Д. 119, Л. 3]. Довольно распространенными явлениями были превышение ставок налога, принудительные работы, всевозможные штрафы и повинности.

Повсеместные факты администрирования, превышения власти не могли не вызвать недовольства крестьянства действиями местных Советов, о чем также свидетельствуют многочисленные крестьянские письма и жалобы в центральные органы власти. Так, крестьяне деревни Вязовой Краснобаковского уезда, обращаясь во ВЦИК, писали: «У нас берут все, а нам не дают ничего. Никто не разъясняет, к чему собирают хлеб и кому раздадут. Население не понимает, что у нас в РСФСР власть Советов и живет в ожидании какой-то новой власти. Граждане до того напуганы местной властью, что они питают злобу. Семена все попрятали у родственников. К продналогу так же, как и к советской власти, относятся неудовлетворительно» [ГАРФ. Ф.1235. Оп. 99. Д. 206. Л. 4]. В письмах сообщалось и о фактах рукоприкладства и угрозы применения оружия при сборе налога.

Слабость деревенских органов власти, их непопулярность у крестьянства объяснялись, в основном, низким образовательным и профессиональным уровнем работников Советов. Это подтверждают и анкеты членов сельских Советов Нижегородской губернии, избранных осенью 1924 г. Из 12 595 человек 10 873 (86,6%) имели низшее образование, 879 (7%) были малограмотными, 237 (1,9%) совсем неграмотные и только 566 (4,5%) имели среднее образование [ЦАНО. Ф. 56. Оп.2. Д. 16]. В силу этого деревенские Советы оказывались неспособными осуществлять сложную, творческую работу по экономическому соглашению с крестьянством на основе возрождения и развития товарно-денежных отношений.

Бездеятельность и непопулярность низовых Советов, слабая материальная база привели к тому, что значительно большую роль в решении всех вопросов деревенской жизни в первой половине 1920-х гг. играли не Советы, а крестьянские сходы, являвшиеся распорядительным органом земельных обществ и располагавшие реальной экономической властью. В их ведении находилось почти все деревенское имущество (мельницы, кузницы, различные кустарные мастерские и т.п.). Это приводило к тому, что крестьяне за материальной поддержкой и по хозяйственным нуждам шли не в Совет, а к уполномоченному земельного общества, так как, по мнению крестьян, «сельсовет больше администрирует и взимает налоги, а земобщество строит и хозяйствует» [ГАРФ.Ф. 393. Д. 119, Л. 84].

Сельский сход, опираясь на свой бюджет и традиции деревенской жизни, воспринимался крестьянами как основной орган власти и, зачастую, не только противопоставлял себя Советам, но нередко и поглощал их. Довольно частыми были случаи, когда крестьянские сходы отменяли решения сельсоветов на том основании, что считали себя, а не Совет высшим органом власти. Большевистское руководство, не желая усиления в деревне политического и хозяйственного влияния общины и существования двоевластия, во второй половине 1920-х гг. все более настоятельно ставит вопрос о необходимости усиления контроля над крестьянскими сходами со стороны сельских Советов. Декреты ВЦИК и СНК 1926-1927 гг. значительно расширили права и полномочия низовых органов власти. Однако сам процесс ликвидации общины и передачи ее традиционных прав местным Советам начался только в ходе сплошной коллективизации на рубеже 1920 - 1930-х гг.

Анализ конкретного исторического материала показывает, что все мероприятия, направленные на укрепление Советов, отражали в основном попытки решить новые задачи административными методами, сложившимися еще в условиях «военного коммунизма»: сокращение низового аппарата, мобилизация в деревню советских работников из губернских и уездных центров, организация всевозможных кампаний и массовых обследований сельских Советов. Подавляющее большинство советских работников, политические взгляды которых сформировались в годы Гражданской войны, так и не смогли за время нэпа отказаться от приверженности к административно-командным методам работы.

Рост политической активности крестьянства, с одной стороны, слабость и непопулярность Советов – с другой, определили необходимость перехода осенью 1924 г. к

политике «лицом к деревне». Ее основным содержанием стал комплекс мер, направленных на «оживление Советов», расширение их «массовой базы» и демократических форм работы. Это было официальным признанием того, что Советы, которые все время нужно было оживлять, не имели авторитета у крестьян, не защищали как органы государственной власти их интересы.

Эволюция государственной политики в сторону расширения демократических начал, обозначившаяся в политической жизни деревни на рубеже 1924-1925 гг., была недолгой и противоречивой. Стремясь привлечь симпатии крестьянства к советской власти и призывая к свободным выборам, партия в то же время всеми средствами старалась сохранить контроль над местными Советами. Однако административное регулирование и давление на избирателей, политика классового подхода и раскола деревни не принесли желаемых результатов и во многом способствовали дискредитации Советов как органов народовластия.

Таким образом, в деятельности Советов в деревне на протяжении всего периода нэпа преобладающими были командно-административные методы работы, наличие которых сдерживало восстановление сельскохозяйственного производства, развитие товарности крестьянских хозяйств, тормозило процесс кооперирования деревни. Роль сельских Советов в хозяйственной и общественно-политической жизни деревни в годы нэпа продолжала оставаться незначительной. Система местных органов власти не обеспечивала в должной мере представительства интересов деревни и не вызывала доверия к Советам подавляющей части крестьянства. Крестьяне не воспринимали местные Советы как власть, защищающую их интересы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393, Оп. 56. Д. 42, 43, 119
2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 56. Оп. 2. Д.13, 16.
3. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99, Д. 206.

© Грехова Н.Н., 2013